

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

ГЛАВА 4*

Но секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству Василий Иванович Поляков тоже не сдавался. Он, как стало вскоре известно, доложил проблему Хрущёву и добился включения её в повестку ближайшего заседания секретариата ЦК КПСС. Высшим органом власти в СССР был в то время президиум ЦК КПСС, выполнявший функции недавнего «Политбюро». Президиум ЦК заседал раз в неделю и решал какие-то важные государственные проблемы. Вторым уровнем власти был секретариат ЦК КПСС, на который собирались секретари ЦК, их было девять или десять. Хрущёв обычно не участвовал в заседаниях секретариата и на них председательствовал М. А. Суслов, секретарь ЦК по идеологии. Суслов был очень консервативным политиком. Известно, что именно он задержал тираж «Воспоминаний...» маршала Г. К. Жукова. На вопросы о материальных потерях Суслов обычно отвечал: «На идеологии не экономят». На заседания Секретариата, на которых решались конфликтные проблемы, приглашались и члены правительства.

Вопрос о моей книге был одним из многих пунктов повестки. Однако специально по этому пункту заседания были вызваны министр здравоохранения С. В. Курашов и президент АН СССР М. В. Келдыш. Для Келдыша, прикладного математика, авторитет которого в СССР как «главного теоретика» космических программ был очень высок, вызов в ЦК КПСС по делу о книге в «Медгизе» был неожиданным и необоснованным. Ни автор, ни издательство не зависели от АН СССР. Келдыша поставили в известность о его роли в решении судьбы книги Медведева, экземпляр которой ему прислали только 29 мая 1963 года. Он вызвал к себе биохимика академика А. Н. Белозерского и попросил его сверхсрочно, отложив все дела, прочитать мою книгу и составить «справку-рецензию». Белозерский, заведующий кафедрой биохимии растений МГУ, незадолго до того перенёс инфаркт и врачи запретили ему работать больше четырёх часов в день. Выполнить самостоятельно задание Келдыша он просто не мог. Взяв сигнальный экземпляр книги на кафедру, он собрал у себя в кабинете коллег и попросил их составить коллективный отзыв. Эта «справка-рецензия» была очень хорошей, компетентной и обоснованной.

Предварительный проект «решения» для секретариата ЦК КПСС, подготовленный Поляковым, был радикальным. В нём

моя книга характеризовалась как «идеологическая диверсия», которая могла принести вред воспитанию научной молодёжи. Предлагалось книгу изъять и списать в макулатуру. По части наказания виновных предлагалось освободить от занимаемой должности главного редактора Г. Е. Островерхова и расформировать редакцию теоретической литературы «Медгиза».

Заседание Секретариата ЦК КПСС, на котором среди множества разных вопросов происходило и обсуждение судьбы книги Медведева, состоялось 5 июня. Докладывал Поляков. Слишком академический заголовок книги вызвал некоторые колебания. Кто-то задал вопрос: «Какие отзывы учёных, были ли рецензии?» Поляков молчал. Взгляд Сулова обратился к Келдышу. Президент АН СССР сказал, что академики Н. Н. Блохин, В. В. Парин и Белозерский дали о книге весьма положительные отзывы. Это и определило судьбу книги. Решение Секретариата предлагало отложить вопрос и поручило Кура-

шову и Келдышу составить новый проект решения и заказать детальные отзывы авторитетных учёных. Президиум АН СССР вскоре утвердил трёх рецензентов: это были академики Белозерский, А. Е. Браунштейн и Н. М. Сисакян. Им предлагалось тщательно прочитать весь текст книги и выявить спорные или ошибочные положения. Это означало, что ликвидации книги уже не будет, но какие-то отдельные изменения могут оказаться неизбежными. Новая комиссия рецензентов была компромиссной. Браунштейн, специалист по белковому обмену, относился к Лысенко с крайним презрением; Белозерский, главный авторитет в СССР по нуклеиновым кислотам, занимал компромиссную позицию; Сисакян, специалист по фотосинтезу, был активным сторонником Лысенко.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЕНУМ

Идеологический пленум ЦК КПСС, который открылся в Москве 17 июня основным докладом секретаря ЦК Л. Ф. Ильичёва, был для 1963 года анахронизмом. Партийных пленумов по идеологии не было с 1946-го. В то далёкое уже время главным идеологом был А. А. Жданов, который выбрал мишенью своей критики сатирика Михаила Зощенко, поэтессу Анну Ахматову и композитора Дмитрия Шостаковича. Вводились серьёзные ограничения и в науку, в основном на контакты с иностранными учёными. В 1963 году подчёркивать особый, «социалистический», характер советской литературы, музыки и науки

*Продолжение. Начало см.: Родина. 2011. № 1, 5–6, 11–12; 2012. № 1.

было уже неуместно. Однако именно в 1963-м положение Хрущёва как лидера партии и страны стало колебаться, и он хотел ввести какие-то ограничения на права и свободы, которые сам же и стимулировал в 1956 году своим «секретным» докладом, разоблачившим сталинизм.

18 июня на пленуме с большой речью выступил первый секретарь Московского горкома КПСС Н. Г. Егорычев. Говоря в основном о высокой идейности москвичей, он привёл лишь один пример идейных вывихов: «...Ж. А. Медведев, бывший старший сотрудник кафедры агрохимии Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, подготовил к печати монографию «Биологическая наука и культ личности». В этой работе неправильно освещаются основные вопросы развития советской биологии, охаиваются мичуринская наука, захваливаются те буржуазные исследования, которые не являются последовательно материалистическими. Получив отпор от коллектива академии, Медведев не сложил оружия, перебазировался в Калужскую область и подготовил к печати, а Медгиз издал книгу «Бiosинтез белков и проблемы онтогенеза», содержащую подобные ошибки. За ширмой наукообразности прячутся идейные вывихи...» (Московская правда. 1963. 20 июня).

На это заявление никто не обратил особого внимания. Однако присутствовавший на пленуме первый секретарь Калужского обкома КПСС А. А. Кондратенков не мог не принять по такому делу необходимых мер. Срочно по всей территории Калужской области начались телефонные поиски Медведева, который «перебазировался» из ТСХА и «не сложил оружия». Он был обнаружен в Боровске, старинном городе, в десяти километрах от Обнинска, в Институте физиологии и биохимии сельскохозяйственных животных. Обком КПСС распорядился немедленно его уволить. Приехавший в Калугу для объяснений директор института уладил конфликт, объяснив, что его Медведев, хотя он тоже окончил ТСХА, является тихим и спокойным человеком и членом КПСС. Жореса Медведева долго не могли найти. Поскольку большинство институтов в Обнинске является секретными, списки научных сотрудников Обнинска также не разглашаются, во всяком случае по телефону.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ КНИГИ, ИЛИ «ИЩИ ВЕТРА В ПОЛЕ»

Процесс принятия решений по моей книге перешёл в затяжную фазу. В конце июня 1963 года меня вызвал заместитель министра здравоохранения генерал А. И. Бурназян. Как военный, он всё решал быстро и просто: «... главу о наследственности нужно исключить... я сейчас позвоню директору Медгиза, прикажу ему срочно провести все работы в типографии... Эту главу мы вынем, конец книги можно снова набрать, даже расширить. Сделаем всё за две недели...» Я пытался возражать, объясняя, что глава о наследственности является ключевой и связывает механизмы синтеза белков с анализом процессов развития и старения. Но научные аргументы были бесполезны. Договорились подождать официальной рецензии трёх академиков. Случайно в Институте молекулярной биологии АН СССР я встретил в эти дни Белозерского. Он отвёл меня в какую-то пустую комнату и конфиденциально объяснил, что на рецензентов оказывается давление: как минимум, требуют удаления из книги главы о наследственности.

Согласиться на удаление ключевой главы я, конечно, не мог. Эта глава XVII занимала 45 страниц и без неё последние две главы о развитии и старении требовали полной переработки. В производственном отделе типографии мне объяснили, что

замена нескольких страниц текста (выдирка одних и вклейка других) не представляет трудностей и это достаточно частое явление в работе. Удаление всей главы затрагивало большой объём текста и требовало нового набора и следующих за ней глав. Неизбежно повреждался переплёт. Нужно будет менять и обложки. Вся эта работа в типографии должна делаться вручную, вне плана и особой бригадой нанимаемых временно или сверхурочно работников. Проще и быстрее делать всю книгу заново в нормальном производственном процессе.

В начале июля знакомый физиолог, которого я не видел больше года, встретив меня в Центральной медицинской библиотеке, стал горячо поздравлять с выходом книги. Я удивился, откуда он вообще знает об этой книге. Он ответил, что видел её у своего коллеги, который купил её недавно в Мурманске, куда он ездил в командировку. Мой знакомый точно описал мне внешний вид книги (тёмно-синий переплёт) и её примерное содержание. Я поехал с ним в институт, чтобы расспросить покупателя книги. Он мне сразу её показал. Я объяснил ему проблему с изданием и попросил одолжить мне купленный экземпляр. Он охотно разрешил взять её даже навсегда, если это поможет делу. Дома в Обнинске, спокойно обдумав случившееся, я понял причину. Моя книга продавалась в Мурманске в конце июня. Про телеграмму, отправленную по областным книготоргам в конце мая, могли уже забыть. В Мурманск отправляют, наверное, мало книг, и моя книга могла оказаться в одном пакете с другими. Могли подумать, что прибыл столь поздно уже исправленный вариант книги. Но то, что произошло в Мурманске, могло произойти и в других городах, далёких от Москвы. Может быть, в Чите или в Хабаровске книга вообще не дошла ещё до местных книготоргов.

Я срочно выписал из книготорговой рекламы медицинских книг адреса магазинов, торгующих медицинской литературой в крупных городах, отдалённых от Москвы более чем на тысячу километров, и послал в каждый из них авиапочтой запрос на покупку от одного до трёх экземпляров своей книги по обычной системе «книга почтой» с оплатой наложенным платежом (стоимость книги плюс почтовые расходы). Один из запросов, причём телеграммой, я послал и в Мурманск. Первый ответ пришёл из мурманского книжного магазина № 2. «Уважаемый тов. Медведев, — извещала меня открытка магазина, — Ваша книга была в продаже и июне месяце 1963 года и продавалась по предварительным заказам покупателей. К сожалению, помочь Вам не можем, не осталось ни одного экземпляра...» Из Оренбурга пришёл ответ на бланке облкниготорга: «Оренбургский книготорг ставит Вас в известность, что три экземпляра книги «Бiosинтез белков и проблемы онтогенеза» проданы. Оставшееся количество не проданных книг мы возвратили по адресу: г. Москва, Малая Лубянка, 8, отделу реализации Медгиза, поэтому выполнить Вашу просьбу не можем». Книга продавалась также и магазином медицинской книги в Баку.

Во второй половине июля я получил почтовое извещение, сообщавшее, что на моё имя пришла бандероль с наложенным платежом из Новосибирска. Я сразу отправился на почту, оплатил бандероль и тут же её распечатал. Моя книга в целости и сохранности. Я дал телеграмму в Новосибирск и попросил выслать наложенным платежом ещё пять экземпляров. Телеграмма была с оплаченным ответом. На следующий день магазин медицинской книги в Новосибирске сообщил мне, что все поступившие в магазин экземпляры книги уже проданы. В Новосибирском академгородке у меня было несколько знакомых среди генетиков и биохимиков. Я написал им письма, изложив вкратце проблему и попросил прислать мне ещё несколько экземпляров книги. Кроме того я просил узнать, сколько всего

экземпляров было продано в Новосибирске. Через несколько дней я получил от друзей ещё три экземпляра книги и два письма. Коллеги сообщали, что моя книга была в продаже с 13 по 17 июля. В Академгородке было продано 35 экземпляров, в основном по предварительным заказам. Непосредственно в Новосибирске было продано 50 экземпляров.

Взяв с собой купленную наложенным платежом книгу, я поехал в Центральный книготорг. Мне удалось выяснить, что операция по сбору ушедшей из Москвы в конце мая части тиража прошла не совсем успешно. Из тысячи книг, отправленных из Москвы, вернулось обратно 670: 330 экземпляров книги были проданы. Полученный мною экземпляр книги я отправил заказной авиабандеролью Ричарду Сингу в Шотландию: там уже медленно шёл её перевод на английский, начатый по рукописи.

ВТОРАЯ ПУБЛИКАЦИЯ «ИСПРАВЛЕННОЙ» КНИГИ

В начале августа меня снова вызвал в министерство Бурназян. У него были две рецензии, написанные академиками Браунштейном и Белозерским. Третий рецензент, Сисакян, самостоятельной рецензии не писал, но сообщал, что присоединяется к мнению коллег. К рецензиям было приложено сопроводительное письмо Курашова и Келдыша, адресованное в издательство и предлагавшее руководствоваться замечаниями рецензентов при исправлениях. Рецензии давали книге высокую оценку, считая её безусловно полезной и своевременной. Однако оба рецензента — Браунштейн рекомендательно, Белозерский более настойчиво — считали, что дискуссионный раздел публиковать нецелесообразно, и перечисляли страницы с абзацами, в которых содержалась, по их мнению, ненужная полемика. Бурназян опять повторил своё предложение об удалении всей главы и написании её заново. Я не согласился, объяснив, что замене подлежат лишь несколько страниц. Я показал ему экземпляр книги, которая продавалась в Новосибирске, и объяснил, что часть тиража раскуплена в провинции. Это была для него большая новость. В конечном итоге Бурназян со мной согласился. Он отправил рецензии в издательство и дал нужные распоряжения. Рецензии были заказаны по поручению Секретариата ЦК КПСС и были, таким образом, директивными.

Я решил, что замена нескольких страниц не принесёт книге большого вреда. Мне было нужно переписать лишь несколько страниц. Удалить и заменить отдельные страницы в готовой книге несложно. Заменяемая страница вырезается так, чтобы поля возле корешка сохранились. На эти поля приклеивается новая исправленная страница. У меня для ссылок на литературу была в тексте нумерация. Чтобы не менять большой библиографический список, я оставлял в тексте те же номера, но удалял имена. Имя Лысенко и его последователей (И. И. Презент, Н. И. Нуждин и другие) были удалены из текста главы, но остались в списке литературы к главе о наследственности. Дискуссия поэтому сохранялась. Для объяснения любого сложного процесса всегда существуют разные теории. Но полемику между разными теориями старения можно было давать с именами авторов в тексте, полемику по проблемам наследственности приходилось излагать в более общей форме. Я очень быстро внёс в текст отмеченных рецензентами страницы необходимые изменения. Иногда на той или иной странице нужно было заменить лишь одну фразу.

Однако противник тоже не дремал. 18 августа в газете «Сельская жизнь» была опубликована большая статья президента ВАСХНИЛ М. А. Ольшанского «Против фальсификации в биологической науке», которая объявляла

«идеологической диверсией» очерк Ж. А. Медведева и В. С. Кирпичникова «Перспективы советской генетики», опубликованный в ленинградском журнале «Нева» ещё в марте 1963 года. 21 августа та же статья Ольшанского была перепечатана газетой «Правда». Это было необычно. «Правда», главный печатный орган ЦК КПСС, как правило, не перепечатывает статьи из других газет. Вскоре стало известно, что главный редактор журнала «Нева» С. А. Воронов освобождён от занимаемой должности и вся редакционная коллегия расформирована и заменена новой. Такие решения принимает правление Союза советских писателей, но лишь в результате директив из ЦК КПСС.

Работа в «Медгизе» тем не менее продолжалась. Бурназян и Островерхов, несомненно, уже знали глубинные причины конфликта. Президенты академий — Блохин и Келдыш — возможно, также знали и о моей рукописи по истории генетической дискуссии. Браунштейн и Белозерский были в числе тех академиков, которые получили копии этой работы из «Комсомольской правды» ещё в 1962 году. Написанные мною новые варианты нескольких страниц книги были направлены на отзыв академику АМН СССР Н. Н. Жукову-Вережникову, микробиологу и одному из немногих учёных-медиков, который был последователем Лысенко. Рецензент подготовил длинный отзыв на девяти страницах со множеством замечаний «мичуринского» характера. Нельзя было принять ни одного из них. Я написал подробный ответ.

Как оказалось, издательство не имело права осуществлять работу по замене страниц и повторному выпуску арестованного тиража без новой резолюции Секретариата ЦК КПСС. В повестке работы этого директивного органа на 18 сентября был проект какой-то новой резолюции. Подробностей этого второго обсуждения «на высшем уровне» я не знаю. Главным было то, что издательству разрешили начинать производственный процесс с книгой на основе подготовленных мною исправлений. Новый текст был набран, сверстан, откорректирован по размерам и затем вклеен во все собранные издательством 3670 экземпляров книги вместо удаляемых 13 страниц в главе о наследственности и двух страниц в других главах. Все эти процедуры осуществлялись вручную и происходили поэтому медленно. К декабрю операция с «выдиркой» была закончена и книга снова пошла на одобрение в Главлит. Затем мы её вторично подписали «в свет». Тираж ещё десять дней продержали в типографии и отправили в Книготорг в канун нового года. Одновременно я получил десять авторских экземпляров. 3 января 1964 года я уже покупал свою книгу в фирменном магазине «Медицинская книга» на Комсомольском проспекте в Москве, сразу 150 экземпляров. Отбирая для себя книги в магазине, я неожиданно нашёл уникальный экземпляр. Выдирка была сделана неполно, а клейка полностью. В книге были два раза повторены страницы 336–340: в одном случае — по-старому, с упоминанием Лысенко; в другом случае — без него.

В последующие годы с книгой ничего плохого не происходило. Рецензии были хорошими. В 1965 году президент Московского общества испытателей природы (МОИП) при МГУ академик В. Н. Сукачёв известил меня письмом, что на проводимом МОИП ежегодном конкурсе научных книг по естествознанию книга «Биосинтез белков и проблемы онтогенеза» получила первую премию. Мне вскоре лично Сукачёвым был вручён диплом МОИП и денежное вознаграждение. Представление на премию было сделано от секции геронтологии МОИП, и мы отпраздновали это событие в Музее зоологии МГУ на улице Герцена.

Продолжение следует